

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(Из воспоминаний)

ІУ. — НЬЮ - ЙОРК — БОСТОН — ЧИКАГО. —
ПРОБЪЛ В КНИГЪ. — «КРАСНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ».

Это было второе из пяти моих посѣщеній Соединенныхъ Штатов. Я уже не чувствовалъ себя новичкомъ в Америкѣ и достаточно зналъ ее, чтобы согласиться с ироническимъ замѣчаніемъ американцевъ: «кто не написалъ книги об Америкѣ послѣ первой поѣздки, тотъ уже никогда ее не напишетъ». Я успѣлъ также понять и другое американское изреченіе: «кто знаетъ только Нью - Йорк, тотъ не знаетъ Америки». Конечно, американскій Космополис, — в своихъ низахъ скопище осадковъ всѣхъ неудавшихся иммиграцій, не нашедшихъ въ себѣ силы двинуться дальше, а в своей верхушкѣ — отборъ особенностей американскихъ «десяти тысячъ» и ихъ торговыхъ конторъ в небоскребахъ «даун таунъ» (нижнему городѣ), — Нью - Йоркъ есть только раздувшійся нарывъ на тѣлѣ Америки, а не органическое проявленіе американскаго духа, — хотя бы даже в ближайшей къ Атлантикѣ полосѣ «Новой Англійи». Чикаго — второй послѣ Нью - Йорка крупный городской центр — и первый, с которымъ я ближе познакомился, уже представляетъ другую Америку: «Средній западъ», гдѣ в началѣ нашего столѣтія еще завершались процессы, давно законченные на Востокаѣ, — процессы американской колонизаціи: авантюризмъ большого стиля сверху и бытовой анархизмъ снизу, — остатки примитивизма тамъ и здѣсь. В исторіи Чикаго я прочелъ, что еще в шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія два мула усильно обслуживали ежедневную почту зарождающагося города. Это и понятно, такъ какъ американское населеніе разныхъ національностей только в тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подошло с юга къ великой озерной области сѣвера. А тамъ позади, на «Дальнемъ Западѣ», еще цѣлы были пустыри, перемежавшіеся оазисами населенія. В

См. іоньскую книгу «Р. З.».

Калифорнии еще жили герои Брет - Гарта, смѣшившіе тѣх краснокожих средней и восточной Америки, похождениями которых мы в нашем дѣтствѣ увлекались в романах Фенимора Купера и Майн - Рида. Если к «Новой Англии», «Среднему» и «Дальному Западу» прибавить еще давно колонизованный юг и недавно заселенный сѣвер, то вот уже *пять* Америк, из которых каждая живет собственной жизнью, мало связанной с нью - йоркской вытяжкой, а иногда и враждебной ей.

Мой вѣрный друг и деликатный покровитель в Америкѣ, Чарльз Крен, с своей многолюдной семьей, явился для меня тѣм микрокосмом, на котором я впервые познакомился с разными стадіями американскаго историческаго процесса. Сам он представлял переходный тип от одного поколѣнія новых американских богачей к другому. Как нарочно, Крен дал мнѣ почитать популярный тогда роман «Письма отца - самоучки (self-made-man) к своему сыну». Книга отлично иллюстрировала этот поворотный пункт поколѣній. Отець Крена, съ которым я еще успѣлъ познакомиться, — крѣпыш, солидно обставившій свое торгово - промышленное предпріятіе и передавшій его на полном ходу дѣтям, — это был представитель американской скалы, на которой создались небоскребы. Сын — мой Крен — с темпераментом, все еще кипящим жаждой приключеній и творческаго почина, юношей повадился ходить на пристань, гдѣ стояли иностранныя корабли; его манили невѣдомыя дали, и в один прекрасный день — в том, в чем был, не предупредив отца, без всяких средств он сѣлъ на голландскій пароход и отплыл в голландскія колоніи Азій. Здѣсь развивается в нем любовь к экзотическим странам — и к угнетенным народам в процессѣ их освобожденія. Этой своей любви он остается вѣрен в теченіе всей своей жизни. От Азій его интерес переходит к Россіи, от Россіи — на балканских славян; затѣм он возвращается к мусульманским странам Ближняго Востока и Африки, кончается на Албаніи. В Африкѣ Крен размыскивает шейха Сенусси, в Аравіи его сосѣд по автомобилю в пустынѣ падает под пулей бедуина, и только случайность спасает Крена от смерти. Близкій к правящим сферам Америки, друг Теодора Рузвельта и потом Вильсона, он получает назначеніе посланником в Китай, но остается на посту недолго и оттуда попадает в третій раз в Москву при Совѣтах (в первый раз он пріѣзжал в Россію приглашать меня в Америку, во второй — посѣщими пріѣхать —

на огонек — в первые же дни революціи 1917 г.). Всюду он привлекает к себѣ друзей и остается им вѣрен; через третье лицо он помогает друзьям, оставшимся у большевиков; воспитывает дѣтей известной турецкой писательницы; дѣлает анонимно массу добра. Со мной он дважды путешествует по Болгаріи и Турціи; отовсюду привозит художественныя произведенія — и практическія свѣдѣнія, превращая свой дом в музей — и обогащая фирму Вестингауза новыми рынками. В концѣ своей безпокойной карьеры он еще создает в Калифорніи единственную в своем родѣ финиковую плантацію, гдѣ разводятся лучшіе сорта фиников, собранные им со всего свѣта. Среди всѣх своих скитаній Крен никогда не забывает тѣх, кого раз полюбил. Мнѣ посчастливилось попасть в это число, и гдѣ-бы он ни был, возвращаясь через Париж, он обязательно устраивает встрѣчу со мной и рассказывает мнѣ свои послѣднія впечатлѣнія.

Многочисленная семья Крена — дѣти разныхъ возрастов и его внуки — опять представляютъ переход к новому типу — третьяго и четвертаго поколѣнія. Дѣлами они больше не занимаются; их привлекаютъ свободныя профессіи, спорт, любительство, искусство, — новаторство в разныхъ сферахъ творчества и жизни. Обладая значительными средствами, они имѣютъ досуг и пользуются им — одни для серьезной работы в избранной специальности, другіе — для развлечения. Часто — в послѣднемъ поколѣніи — они принадлежатъ к типу «уставшихъ от американской нивеллировки» — и увлекаются экзотикой иного рода, нежели мой старый друг. Вообще, однако, старыя рѣзкія различія между «пятью Америками» со временемъ сглаживаются — по мѣрѣ усвоенія общей культуры. За время моихъ посѣщеній Соединенныхъ Штатов, т. е. в теченіе цѣлой четверти вѣка (1903 — 1928), я могъ наблюдать громадныя перемѣны и гигантскій рост Америки. Къ нѣкоторымъ из этихъ явленій я буду имѣть случай вернуться; теперь я говорю об Америкѣ, какой засталъ ее в 1903 — 1904 годахъ.

Благодаря дружественному посредничеству Чарльза Крена, мнѣ на этотъ разъ предстояло перейти от одного полюса американской жизни к другому: от самаго молодого чикагскаго университета к старѣйшимъ образовательнымъ учрежденіямъ Бостона, — этихъ общепризнанныхъ «американскихъ Афинъ», столицы древнѣйшаго штата Массачусетса. Я разумѣю здѣсь, прежде всего, Лоуэллевскій институтъ (Lowell's Institute), основанный в 1937 году и поддер-

живавшій прочную репутацію наиболѣе авторитетнаго учрежденія для чтенія публичных лекцій. В этот отдѣлъ института ежегодно приглашаются лекторы с европейским или всемірным именем. Я, конечно, к этой категоріи не принадлежал, и мое приглашеніе было вызвано настойчивой рекомендаціей Крена. По завѣщанію основателя института, приглашают лекторов обязательно члены фамиліи Лоуэлей. Наиболѣе извѣстный из них, ректор и профессор старѣйшаго Гарвардскаго университета в окрестностях Бостона (Кембридж), Лоуренс Лоуэль, приходился кузеном своего родственника, формально приглашавшаго очередных лекторов: через его посредство я и получил приглашеніе, а затѣм познакомился с ним лично и был его гостем в Гарвардѣ, что само по себѣ было рѣдким отличіем.

Это знакомство сразу ввело меня в избранный круг литераторов, артистов и др. интеллигентов, которыми славился Бостон на всю Америку. К семьѣ Лоуэлей принадлежал и знаменитый поэт Лоуэль, — и его традиція поддерживалась в Бостонѣ его молодой родственницей, мисс Лоуэль — тоже поэтессой, которая и собирала около себя этот избранный круг. Надо прибавить, что это был не только центр культуры, но и центр американской аристократіи. «Десять тысяч» избранных об'единялись одним признаком, — не всегда, конечно, соответствовавшим дѣйствительности: они считали себя потомками «Отцов Пилигримов» (Pilgrim Fathers), прѣхавших из Англіи на «Mayflower» и высадившихся в 20 г. на скалы Плимута, — теперь одного из кварталов Бостона. Как извѣстно, американцы очень чувствительны к генеалогіям, и тѣ, которые американской генеалогіей от XVII вѣка не обладают, замѣняют ее в наше время женитьбой или замужеством с князьями, графами, маркизами тѣх стран Европы, гдѣ подобныя титулы имѣются. Перепало кое-что от этой американской прихоти и на долю наших титулованных эмигрантов. Старая аристократія «ландыша» смотрѣла на этих мѣщан во дворянствѣ с нѣкоторым пренебреженіем, строго охраняя собственную чистоту.

Должен опять оговориться, что и здѣсь я описываю прошлое, теперь уже довольно далекое. В промежуткѣ произошли большія перемѣны, и аристократическій Бостон теперь уже не тот, что прежде. Но, возвращаясь к декабрю 1904 г., я чувствовал, что открытый мнѣ доступ в эту избранную среду является для меня спеціальным знаком вниманія. Я здѣсь, дѣйствительно, встрѣтил лю-

дей, живших интеллектуальными интересами, — людей с развитым эстетическим вкусом, бывших в курсѣ послѣдних — или предпослѣдних новинок Европы и гордившихся этим. В т о г д а ш н е й Америкѣ это был, в самом дѣлѣ, довольно одинокій оазис. В бесѣдах этого круга стремленіе к высотам культуры совмѣщалось с нѣкоторым презрѣніем к быстрой демократической нивелировкѣ Америки, и в политикѣ высказываемые в этом салонѣ взгляды носили характер несомнѣннаго консерватизма. Я, однако, почувствовал, переходя от уюта этого, почти семейнаго, круга к большой аудиторіи моих лекцій, что репутація высокой культурности Бостона вовсе не ограничивается одним этим избранным кругом. Должен по совѣсти признать, что едва-ли когда — либо я имѣлъ перед собой аудиторію такого высокаго уровня, как именно здѣсь. Тема моя была для них новая; я не щадил их вниманія, загружая свое изложеніе не только фактическими подробностями, но даже и таблицами цифр на доскѣ. Вниманіе, однако, ни на минуту не прерывалось, а по окончаніи каждой лекціи я получал самое осязательное доказательство того, что содержаніе лекціи воспринято во всѣх деталях. На меня сыпался цѣлый ряд вопросов, большею частью мѣтко поставленных и глубоко захватывавших предмет. Видно было, что имѣешь дѣло с людьми не только бывальными и знакомыми с жизнью, но и обладающими значительным запасом политических, социальных и теоретических познаній. Это был своего рода экзамен для самого лектора, и подчас я со смущеніем видѣлъ, что вопросы вскрывают самыя мои слабыя мѣста.

Словом, я был доволен Бостоном и благодарен ему. Это умное вниманіе пришло во-время для окончательной обработки второй части моей книги о «Русском Кризисѣ». Признаться, читая лекціи, я больше думал о ней, чѣм о моих слушателях: поэтому и донимал их так непедагогично подробностями, болѣе важными для русских, нежели для иностранцев. Послѣ окончанія этого курса лекцій у меня оставался промежуток времени до возвращенія в Чикаго и прочтенія там курса о балканских славянах. Я рѣшил воспользоваться этим промежутком для того, чтобы, пользуясь гостепримством ректора Гарвардскаго университета, поработать среди уюта университетскаго городка в обширной гарвардской библіотекѣ.

Историческая часть моей работы была в это время уже готова. Оставалось лишь дополнить новыми данными параллельную

историю русского либерального и социалистического движения, доведенную до девяностых годов прошлого века. Прочтенный в Бостонѣ курс присоединял к исторіи характеристику современного положенія — по матеріалам, отчасти собранным в Россіи, отчасти присланным мнѣ в Америку и доведившим фактическое изложеніе до конца 1903 г. Были подобраны цифровыя данныя об экономическом кризисѣ, о рабочем и крестьянском движеніи, о ростѣ политических преступленій, об усиленіи правительственных преслѣдованій; предсказана трудность мирнаго исхода и быстро возрастающая неизбежность революціи. Но между обѣими частями — исторіей и современностью — зиял пробѣл, который оставалось заполнить. Это было — состояніе либерального и социалистического движения при переходѣ от прошлаго к настоящему — на рубежѣ двух столѣтій. О либерализмѣ за эти годы я мог говорить по личным наблюденіям и на основаніи той политической эволюціи «Возрожденія», о которой говорилось в предыдущей главѣ. О новѣйших событіях среди обох теченій русскаго социализма — народничества и марксизма — я зналъ по личным знакомствам с их «легальными» представителями и с их журнальной работой за короткое время моего редакторства в «Мірѣ Божіем», по возвращеніи из Болгаріи. Не мог, конечно, не знать и о начавшейся борьбѣ внутри самого марксизма — между «экономистами» и «ревізюнистами» (бернштейнцами) — и их противниками. Обо всем этом я и говорил в книгѣ; упоминалъ даже «Искру». Но внутренней психологіи этой подпольной борьбы — в результатѣ накопившихся в ней противорѣчій — я, разумеется, знать не мог в тѣ годы: этот пробѣл так и остался пробѣлом. А между тѣм из него неизбежно вытекала неполнота и однобокость моих практических выводов, о которой скажу сейчас. Я очень рассчитывал на русскія закладки огромной бібліотеки Гарвардскаго университета и дѣйствительно нашел там много нелегальных брошюр, изданій и газетных комплектов. Судя по надписям на нѣкоторых из них, эта коллекція была приобретена университетом от нѣкоего Панина — очевидно, русскаго революціонера - эмигранта. Она мнѣ очень помогла, — для девяностых годов, — но и усилила несоответствіе моих знаній между этим періодом и ближайшими послѣдующими годами. Я упоминаю о всѣх этих автобіографических подробностях, потому что онѣ повліяли на мои представленія о ходѣ предстоящаго революціоннаго движенія в Россіи. К моей исторической схемѣ

встрѣчной эволюці русскаго либерализма и социализма эти данныя очень подходили; но проекція хода этой эволюціи в будущее вышла неправильной: черезчур оптимистичной. Дѣло в том, что я строил свою схему на постепенном сближеніи обоих теченій русской политической мысли и не мог предусмотрѣть возможности их новаго расхожденія при под'емѣ новой революціонной волны. Приведу полстранички из американской книги, никогда не увидавшей свѣта в русском переводѣ, чтобы закрѣпить документально это мое тогдашнее представленіе. «Мы видѣли», резюмировал я свой рассказ, «как в шестидесятых годах, когда либералы впервые появились как особая политическая группа, они были заподозрѣны болѣе прогрессивнымъ общественнымъ мнѣніемъ в аристократизмъ и крѣпостничество; это лишило их политическую программу (я разумѣю конституціонныя требованія) всякаго вліянія на правительство и на общественное мнѣніе. Во второмъ періодѣ их борьбы, в семидесятыхъ годах, либералы получили болѣе сильную поддержку общественнаго мнѣнія образованныхъ классов; но революціонеры оставались ихъ противниками, — и они, в свою очередь, были готовы помочь правительству противъ революціи. С тѣхъ поръ обѣ стороны поняли, что лучше бороться вмѣстѣ противъ общаго врага, нежели сражаться другъ съ другомъ. Мы видѣли, что и социалисты, и революціонеры признали, что причина ихъ неудачи отчасти заключается в недостаточной поддержкѣ образованныхъ классов. В то же время либералы поняли, что никакія частичныя соглашенія съ правительствомъ не могутъ гарантировать данныхъ уступокъ и установить такимъ образомъ длительное состояніе социальнаго мира. Раз революціонеры стали практичѣе, а либералы — демократичѣе и прогрессивнѣе в своихъ требованіяхъ, стало возможно прямое соглашеніе между обѣими группами».

На чемъ я основывалъ это заключеніе — или эту надежду? В восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ доказательства были в изобиліи. Это было, именно, то время, когда революціонеры поняли недостаточность своихъ силъ и утопичность своей программы — и стали умѣреннѣе в своихъ ближайшихъ требованіяхъ. Александръ Михайловъ уже в 1881 г. показывалъ на судѣ, что «послѣ восьми лѣтъ столкновеній съ централизованнымъ политическимъ строемъ... оказалось необходимымъ выдвинуть на первый планъ политическую свободу и народоуправленіе... Это — лозунгъ уже не социалиста только, а всякаго честнаго и развитаго русскаго гражданина, и потому нѣтъ

сомнѣнія, что им опредѣлится для Россіи ближайшій шаг прогресса». И в письмѣ друзьям из Петропавловской крѣпости он завѣщал: «все отдаленное, все недостижимое должно быть на время отброшено. Соціалистическіе и федералистическіе идеалы должны отступить на второй план дальнѣйшаго будущаго, и лозунгом нашим должно стать... земское учредительное собраніе при общем избирательном правѣ, при свободѣ слова, печати и сходов». Это была старая программа Герцена; но и к ней исполнительный комитет Н. В. весной 1880 г. присоединял оговорки. Он соглашался «принять даже царское правительство, если оно будет восстановлено учредительным собраніем, но сохранить за партіей право пропаганды республиканской идеи». Не упоминаю уже о еще болѣе сдержанных требованіях к царю в знаменитом письмѣ исполнительнаго комитета Александру III в 1881 г. В том же 1881 г. Кравчинскій писал: «соціализм не стоял и не стоит препятствіем для об'единенія русской оппозиціи: нам дороги интересы свободы всехъ русскихъ, без различія партій; мы готовы защищать ее во имя общаго вѣвклассоваго чувства гражданской солидарности, которая существует во всехъ передовыхъ странах — в тѣмъ большей степени, чѣмъ онѣ культурнѣе. В вопросѣ политическом, составляющем злобу дня, наша программа есть именно программа передовой фракціи русскихъ либералов». Тѣ же взгляды развивала в среднѣй девяностыхъ годов преемница «Народной Воли», партія «Народнаго Права», среди которой были и мои личные друзья (как Мельни-Якубович). И первоначальный («легальный») марксизм, борясь с народничеством, занялся прежде всего установленіемъ того бесспорнаго факта, что Россія не составляетъ исключенія в ряду другихъ культурныхъ стран, и что в ней этапъ развитаго капитализма долженъ быть пройденъ передъ переходомъ к соціалистическимъ формамъ хозяйства. Идея классовой борьбы оставалась при этомъ на второмъ планѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ образумившихся революціонеровъ 80-хъ - 90-хъ годов, я как-то просмотрѣлъ значеніе того факта, что Плехановъ уже при переходѣ своемъ от «Чернаго Передѣла» к (непринятой) статьѣ в «Вѣстникѣ Народной Воли», т. е. уже в первой половинѣ восьмидесятыхъ годов былъ готовъ замѣнить одну отброшенную утопію другой. Первая утопія заключалась в вѣрѣ в прирожденный соціализмъ крестьянства. Новая утопія состояла в замѣнѣ этой фантастической роли крестьянства в революціи — такой

же и болѣе важной — ролью рабочаго класса, как единственнаго фактора при введеніи немедленнаго социализма в м е ж д у н а р о д н о м масштабѣ во всѣх цивилизованных странах міра. Ленин развил эту утопію своим возвращеніем к Ткачеву (переворот сверху, вмѣсто «федерациі» общини снизу), к бланкизму и к Жоржу Сорелю (водвореніе социализма сверху, путем насильственнаго захвата власти во имя диктатуры пролетаріата). Как построится ход русской революціи при примѣненіи этой новой утопін, я предвидѣть не мог, а единственная встрѣча моя с Лениным в 1902 (1903?) году в Лондонѣ только показала мнѣ, что и он еще разсчитывает на сотрудничество «буржуазной демократіи» при созданіи коалиціоннаго правительства в будущей демократической республикѣ. Отсюда происходила невольная перестановка моих перспектив при оцѣнкѣ предстоявшей дѣйствительности. Могу только прибавить, предваряя дальнѣйшій рассказ, что эта ошибка перспективы, прежде чѣм принести вред, принесла и значительную пользу. Оптимизм, как иногда бывает, оказался источником силы.

Не столько закончив, сколько оборвав свои работы в Гарвардѣ, я вернулся к началу январскаго семестра 1905 г. в знакомую уже мнѣ семью чикагских профессоров и начал чтеніе лекцій о балканских славянах. Но оно недолго продолжалось. Мнѣ удалось прочесть из этого курса только нѣсколько лекцій. В чикагских газетах от 23 (10) января я прочел оглушительное извѣстіе о «Красном Воскресеньѣ» в Петербургѣ (9 - 22 января). Первоначальныя свѣдѣнія были очень кратки и неясны; но их было достаточно, чтобы показать мнѣ, что предсказанная в моих курсах революція дѣйствительно начинается. Моя книга кончалась свѣдѣніями о резолюціях земскаго с'ѣзда 19 (6) ноября и о парижском с'ѣздѣ оппозиціонных и революціонных партій. Это был послѣдній аккорд в сближеніи обоих русских теченій. Теперь приходилось кончать рассказ народным возстаніем и его ближайшими послѣдствіями. В текстѣ я говорил о чрезвычайной трудности даже для «опытнаго и авторитетнаго политика» опредѣлить, в виду общаго антиправительственнаго фронта, ту минимальную программу, которая могла бы «спасти положеніе» и «удовлетворить общественное мнѣніе». В примѣчаніи к сданному в печать набору мнѣ пришлось прибавить: «эти строки были написаны до зимних осложненій 1904 - 1905 г. г. Теперь никакой отдѣльный государ-

ственный дѣятель спасти положеніе не может. Слово принадлежит представителям народа». Так отразилась в моем сознаниі разница положенія *до* и *послѣ* «Краснаго Воскресенья». Естественно, что на этот раз я счел своим долгом как можно скорѣе прервать лекціи и снѣжно вернуться в Россію. Я сказал об этом Крену. Его ясный ум и приобретенный в странствіях опыт, вмѣстѣ с симпатіей к освободительным движеніям народов, дали ему возможность сразу оцѣнить значеніе петербургскаго событія. Он выполнѣ присоединился к моему рѣшенію. Мнѣ оставалось только закончить подготовку къ печати книги, что входило обязательной частью в выполненіе креновскаго плана лекцій о славянствѣ. Тут мнѣ помог молодой доцент по кафедрѣ ассириологии чикагскаго университета, д-р Мусс - Арнольд, проникшійся ко мнѣ самой нѣжной дружбой. Ему я обязан окончательным выправленіем текста, причем он обнаружил пониманіе малѣйших деталей моего изложенія и заинтересовался внутренним значеніем описанных мною процессов. Это отразилось и в составленном им великолѣпном «аналитическом указателѣ» къ книгѣ. Свою дружбу ко мнѣ Арнольд сохранил до послѣдней моей поѣздки, — до свиданія с ним, когда женатаго и полудельнаго, жившаго на покой, я разыскал его в отдаленном кварталѣ Нью - Йорка. Едва-ли дойдет до него это выраженіе моей благодарности.

Пока Мусс - Арнольд заканчивал свою работу над изданіем книги, я воспользовался нѣсколькими свободными днями, чтобы совершить экскурсію на сѣвер, къ границам Канады. Я поднялся через Детройт в Торонто (по ту сторону границы), оттуда къ истоку рѣки Св. Лаврентія из озера Онтарио и дальше, по живописнѣйшей части рѣки (т. наз. «Тысячѣ островов») до Монтриоля (Монреала) с его старо - французской культурой. Оттуда, через озеро Чамплен и Нью - Йорк, я вернулся прямым путем в Чикаго (на Ніагарѣ я был и раньше, и позже). В поѣздкѣ этой я провѣрил впечатлѣніе свое о связи канадской природы с сибирской и сѣверо - русской (свѣжій климат, угрюмые хвойные лѣса и т. д.). Но, кромѣ того, я еще раз натолкнулся тут на удивительную для того времени организованность и освѣдомленность американской печати. На каждой остановкѣ по пути я покупал мѣстную газету — и вездѣ, днем и вечером, находил продолженіе связнаго разсказа о петербургском «Красном Воскресеньѣ». Тут попутно я узналъ о роли Гапопа в движеніи, о его связях с зубатовщиной, с одной сторо-

ны, и с русскими лѣвыми теченіями, с другой, о подробностях кроваваго дня и т. д. Только это дало мнѣ возможность вставить в книгу болѣе подробный разсказ об этом поворотном моментѣ революціоннаго процесса. О характерных особенностях американской прессы я, впрочем, узнал тут не впервые. Помню, как при первом же моем приѣздѣ в Америку у памятника Свободы поднялись на палубу океанскаго парохода одновременно с таможенными чиновниками и репортеры газет, — как они отыскали меня в каютѣ при проверкѣ паспортов, собрали обо мнѣ и о цѣли моего приѣзда нужныя им свѣдѣнія — и закончили, до моей высадки, обязательным вопросом, как мнѣ понравилась Америка. Выйдя, по выполненіи таможенных формальностей, с пристапи и купив газеты, я к удивленію прочел не только свою біографію с портретом, но и болѣе или менѣе остроумные, смотря по таланту репортеров, отвѣты о моей любви к Новому Свѣту.

С изданіем книги я все же задержался в Соединенных Штатах еще на два мѣсяца с лишним. Закончив, наконец, этот мой собственный политическій путеводитель по возрождавшейся новой Россіи, я к началу апрѣля вернулся в Петербург.

П. Милюков